

Я. ДОМБРОВСКИЙ

ЗНАК И СМЫСЛ¹

1. В одной из опубликованных нами ранее статей высказывалось предположение о целесообразности разделения языка в целом на «актуальный» язык, имеющий непосредственную связь с актуальной ситуацией, с продвижением времени, и тем самым с живой действительностью, и «инактуальный» язык, лишенный такой связи². Мы подчеркивали при этом, что эта дихотомия отражает сущность языка вернее, чем известное сосюрровское разграничение «языка» (*langue*) и «речи» (*parole*) и тем самым его имманентизм, и что ее последовательное проведение могло бы иметь значение не только для языкознания, но и для других наук.

На наш взгляд, значение составляет семантическую категорию инактуального языка, а смысл — семантическую категорию актуального языка.

Значение — это бывший и тем самым застывший смысл, переведенный из живой ситуации, из повседневной жизненной практики в систему данного инактуального языка, и выступающий в качестве внутренней, семантической стороны языкового знака (означае-мого), закрепленного за внешней, звучащей стороной языкового знака (за означающим); значение связано с действительностью только через посредство актуального смысла, инактуальным коррелятом которого оно является и для выражения которого оно с л у ж и т. Именно значение является одним из компонентов актуального смысла в познавательной и коммуникативной деятельности людей³. Следовательно, значение

¹ Настоящая статья посвящена одной из тем, затронутых в докладе «Категория времени и язык», прочитанном автором 25 мая 1972 г. в Москве в Институте языкознания АН СССР.

² J. D o m b r o v s z k y, *Langue «actuelle» et langue «inactuelle» («infralangue» et «supralangue»)*, «Slavica», X, Debrecen, 1970; BSLP, 53, 1968, стр. XXXII—XXXV. Ср. различие «узального» и «оказионального» значений у Г. Паули, А. Марти и др. Ср. еще работы, в которых рассматривается проблема актуализации: Н. P a u l, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 2. Aufl., Halle, 1886; Ch. B a l l y, *Linguistique générale et linguistique française*, 3 éd., Berne, 1950; E. C o z e r i u, *Determinación y entorno. Dos problemas de una lingüística del hablar*, «Teoría del lenguaje y lingüística general», Madrid, 1969; Ю. А. Л е в и ц к и й, *Некоторые вопросы теории актуализации*. КД, М., 1970. Относительно «актуального членения» предложения имеются многочисленные работы *pro et contra*; ср. одну из самых интересных работ *pro*: В. З. П а н ф и л о в, *Взаимоотношение языка и мышления*, М., 1971.

³ «Язык (*langue*) выполняет роль некоторой пифагоровой таблицы; он освобождает нас от того, чтобы каждый раз заново начинать работу, совершенную предыдущими поколениями. Мы можем использовать опыт благодаря традиции. То, что нам нужно сообщать, облекается в общую форму, отложенную обществом в нашем духе и имеет силу во всех возможных случаях повседневной практики. Все это говорит о чрезвычайно экономной организации мысли, но в ущерб ей» (*hic! — И. Д.*): J. V e n d r u e s, *Le langage et la vie mentale*, «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», XI, 1954, стр. 20—21. В. М. Урбан цитирует Гардинера: «Речь является первичным, а язык производным понятием, продуктом речи. Таким образом, язык оказывается как бы „окаменением“ живой творческой речи» (см.: W. M. U r b a n, *Language and reality*, London — New York, 1951, стр. 67).

относится к смыслу так же, как **инактуальный язык** относится к **актуальному**, т. е. как **средство к цели**⁴. Итак, смысл, лишенный своей органической связи с актуальной ситуацией, с продвижением времени, превращается в знаковый факт на уровне лексико-грамматической системы данного языка; это равнозначно тому, что он получает опосредованный, **идиотнический**, и тем самым **внутренне зависимый**, вспомогательный, т. е. **инактуальный** характер⁵.

В противоположность значению, смысл возникает в непосредственной актуальной связи с действительностью, а именно в результате взаимоотношения следующих основных актуализирующих и актуализируемых компонентов: **живой ситуации**, выступающей как событие действительности, непрерывно переходящее от одного момента своего существования к другому; лексических и грамматических значений предложения и **нактуального языка** как хранилища исторического опыта актуального языка; намерения высказывающегося как целенаправленной деятельности индивидуального представителя коллектива, выражаемой прежде всего **внутрилингвистическими**, и, по необходимости, **экстралингвистическими** средствами.

Таким образом, в отличие от словесного значения, **смысл** имеет не застывший, исторический, традиционный, статический характер, а отличается динамичностью, диалектичностью; смысл — это не узкое, замкнутое, имманентное, **идиотническое** явление, а по возможности широкое, открытое, общечеловеческое; смысл — это не зависимый, а автономный, свободный, целостный феномен, не вспомогательное, а целеустремленное, сущностное явление. Актуальность смысла вытекает из его непосредственной связи с живой действительностью. Разумеется, его можно обобщать, абстрагировать, его даже принято абстрагировать и обобщать. Но, в отличие от значения, и абстрагированный, обобщенный смысл всегда органически связан с породившей его единичной, конкретной и тем самым актуальной ситуацией; речь идет о самых широких научных абстракциях и обобщениях, так называемых «законах». Ср. хотя бы такой простой пример: *Земля вращается* (вообще) ← *Земля вращается* (сейчас, в актуальный момент высказывания). Это соотносительность обобщенного и единичного, абстрактного и конкретного, **инактуального** и **актуального** и является критерием истины⁶. Насколько смысл имеет общечеловеческий,

⁴ Подмена цели средством бывает здесь гораздо чаще, чем мы вообще думаем; ср. в этой связи нашу статью «Langue „actuelle“ ...»; ср. также высказывание Э. Келлега: «Абстракции разумные, тесно связанные с конкретными фактами, от которых они произведены, оказываются полезными орудиями. Но если мы приписываем им самим реальность, то смешиваем орудие с тем, что делается с его помощью. Средство становится целью» (E. C. Kelleg, Education for what is real, New York — London, 1947, стр. 42—43).

⁵ Как известно, подобно системе **инактуального языка** функционируют и другие имманентные знаковые системы; так, известная «истина» $2 \times 2 = 4$ зависит от основных компонентов системы и правил их сочетания: их изменение влечет за собой изменение валентностных отношений. Однако нельзя забывать о том, что механизм **инактуального языка** несравненно сложнее подобных отношений.

⁶ Ср. у К. Маркса: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность (= актуальность. — *И. Д.*) своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 3, М., 1955, стр. 1—2).

Ср. следующее интересное высказывание: «Как мы уже ранее установили, для нас реальность иначе дана, как в пространственно-временном обособлении, так что лишь актуальные (у автора: *Jetzt-und-hier*. — *И. Д.*) высказывания отнесены непосредственно к реальным условиям; отношение к обобщенным высказываниям и к выраженной в них реальности имеет, однако,

универсальный характер, явствует, между прочим, и из того факта, что в переводе с одного языка на другой могут и должны передаваться не идиоэтнические значения инaktuального языка, а только и единственно смысл (*singularia tantum*) актуального языка.

Из сказанного следует, что актуальное высказывание (а следовательно, и смысл) — это явление живое, реальное, важное, информативное, в том или ином отношении р е ш а ю щ е е, ибо за свое высказывание, за вложенный в него смысл говорящий несет ответственность и перед самим собой, и перед обществом. Есть языки, которые очень четко, отдельной глагольной формой, выделяют этот решающий и ответственный характер актуального высказывания⁷. В противоположность этому, инaktuальное предложение (а следовательно, и значение, словесное и контекстуальное, т. е. инaktuальный язык) — это «мертвая реалья», сохраняемая и передаваемая с незапамятных времен в традиции идиоэтнического коллектива и выступающая как средство для реализации актуального языка. Оставаясь в пределах своего инaktuального языка, говорящий, собственно, волен говорить любую бессмыслицу, «nonsense», лишь бы он соблюдал

опосредованный характер и реализуется, по необходимости, через посредство актуальных высказываний. Следующее обобщенное высказывание — *все лошади белые* — заключает в себе, например, утверждение: «каждый раз, когда описана лошадь, представлено актуальное высказывание: *эта лошадь белая*, и каждый раз, когда это обобщенное высказывание будет отнесено к реальности, это происходит в форме актуального высказывания об определенной лошади». Из этого соотношения между «истинной актуальных высказываний» и «истинной обобщенных высказываний» следует, что, истина актуальных высказываний⁸ оказывается собственно конститутивным и первичным понятием (*hic!* — *И. Д.*), тогда как понятие «истины обобщенных высказываний» имеет скорее вторичный и производный характер» (*Kl. N o l z k a m p*, *Wissenschaft und Handlung*, Berlin, 1968, стр. 217).

У К. Бюлера вопрос был поставлен, но полностью не решен; его пример *дважды два четыре* неудачен: этому высказыванию конкретно, как знаку, т. е. как значающему и означаемому, как и фактам инaktuального языка, ничто не может соответствовать в объективной реальности. Следовательно, знак, с а м п о с е б е, не дает ничего нового, актуального, он может служить лишь средством достижения цели, т. е. к познанию. Упомянутый путь неизбежно ведет к платонизму, или средневековому «реализму». Вот собственные слова Бюлера: «Можно все же утверждать, что то же самое предложение, высказанное в один и тот же день во всем мире и во всех пространственно разных ситуациях, было одинаково понятию. Итак, смысл предложения оказывается освобожденным от пространственных условий речевой ситуации, но не от временных [речь идет о предложении *Папа римский умер*; оно освобождено от условий «здесь», но не от условий «сейчас». Имеются, однако, предложения, смысл которых освобожден и от временных условий речевой ситуации, например, предложение *дважды два четыре* и другие предложения из языка науки» (*K. B ü h l e r*, *Sprachtheorie*, Jena, 1934, стр. 367).

⁷ Момент решительности и ответственности субъекта актуального высказывания рельефно выступает у глаголов говорения, потому что именно в них высказывание может актуально совпадать с совершением действия, речь и смысл совпадают в одном акте, ср., например, *я клянусь, я обещаю, я приказываю* и др. Во многих языках мира у этих глаголов выделяются различные степени актуализации. Так, например, в венгерском языке, в высказываниях *igérem, hogy ott leszek: megigérem, hogy ott leszek* «я обещаю быть там» последний, префигурованный вариант подчеркивает решительность и ответственность субъекта и тем самым эффективность всего акта гораздо рельефнее, чем первый вариант (без делексикаллоидованного префикса *meg-*): фраза *veszek egy könyvet* «я покупаю книгу» представляет собой лишь описание актуально совершающегося действия (например, как ответ на вопрос: «что ты там делаешь?»), а фраза *megveszem a könyvet* означает здесь, что момент высказывания и момент совершения покупки совпали в одном решающем и ответственном акте (смысл — «вот книга куплена, она моя»). Ср. еще такие пары: *köszönöm: megköszönöm* «благодарю», *áldalak: megáldalak* «я благословляю тебя» и др. В других языках в этой актуализирующей функции употребляются разные аспектно-временные формы, например, в словинском — перфективная форма настоящего времени, в древнееврейском — форма перфекта, в турецком — так называемый «аорист» и т. п. (ср. мою статью «Langue „actuelle“...», стр. 19—21; *V. S k a l i č k a*, *The need for a linguistics of la parole*, «Recueil linguistique de Bratislava», 1948, стр. 36).

основные лексические и/или грамматические правила в имманентной системе данного языка, ибо инактуальнейший язык лишен непосредственной связи с объективной реальностью⁸.

В противоположность творческой сущности актуального языка, инактуальный язык имеет тавтологический характер. Несмотря на возможность трансформирования и варьирования семантических (словесных и контекстуальных) и синтаксических средств, инактуальное предложение само по себе, т. е. без учета ситуации объекта и творческой инициативы субъекта, может только повторять или комбинировать то, что имплицитно уже содержится в имманентной системе инактуального языка. Ср., например, комбинирование компонентов арифметической системы: $2 \times 2 = 4$ или $3 + 1 = 4$, или $5 - 1 = 4$ и т. д. Известен факт, что система инактуального языка богаче и сложнее всех других, подобных ей закрытых систем. Однако ее функционирование само по себе сводится лишь к бесконечной тавтологии. Следовательно, грамматика сама по себе не может «порождать» новые, актуальные высказывания, они могут быть созданы исключительно на почве материальной ситуации объекта и субъекта, а грамматика служит лишь средством координации опыта прошлого с настоящим, средством организации и выражения коммуникации⁹.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Возьмем фразу *Я вижу землю*. Это инактуальное предложение само по себе означает: «говорящее лицо воспринимает сейчас (или вообще) зрением или почву, или уголья, или сушу, или нашу планету и т. п.». Собственно говоря, такое предложение не передает какой-либо информации, потому что оно ничего не дает относительно значений слов. Получается даже путаница в результате их полисемии. Следовательно, нам придется перевести его на актуальный язык и тем самым придать ему актуальный смысл.

⁸ Уже Г. Штейнталь установил независимость (инактуального) языка от логики: вот его часто цитируемый пример: «Кто-либо подходит к круглому столу и говорит: „*Diese runde Tafel ist viereckig*“. Грамматист молчит, совершенно удовлетворенный: Логик, однако, возражает: „Бессмыслица!“. Он говорит: „*Dieser Tafel sind rund*“ или „*Hic tabulam sunt rotundum*“. Логика не интересуется, собственно говоря, выражена ли эта мысль грамматически правильно по-немецки или по-латыни. Грамматист, однако, возражает» (H. Steintal, *Einleitung in die Psychologie der Sprachwissenschaft*, Berlin, 1871, стр. 70).

О. Есперсен настаивает на том, что нельзя отделять друг от друга лексическое и грамматическое значения; оставаясь, однако, в пределах инактуального языка, он не увидел, что значение и смысл относятся к двум, качественно резко отличающимся друг от друга, хотя и коррелятивным сферам языковой реальности. Он пишет: «Оба сочетания *дважды два пять* и *мой круглый стол квадратный* являются как предложения грамматически правильными, лексически, однако, неправильными, ибо они не могут быть согласованы со значением слов *два, пять, круглый*. Поэтому они, по сути дела, лингвистически неправильны» (O. Jespersen, *Mankind, nation and individual from a linguistic point of view*, Oslo, 1925, стр. 116).

В отвлечении грамматической формы от лексического значения дальше всех пошел Л. В. Щерба, который приводит следующее своего рода инактуальное предложение: *Глубкая кудра штеко будланула бокра и курдячит бокрэнка*. Бесспорно, и в такого рода случаях обобщенный характер формальных структур инактуального языка позволяет делать определенные выводы о характере лексических значений.

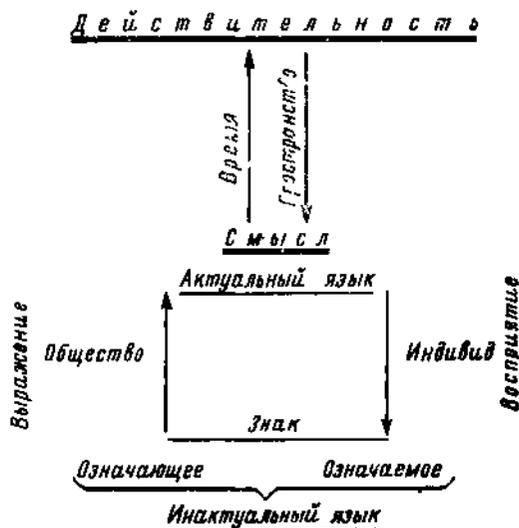
⁹ В следующих словах явно выражается нежелание Н. Хомского ограничиваться одним инактуальным языком: «Таким образом, например, предложения типа *colorless green ideas sleep furiously, remorse felt John, the dog looks barking* и т. п., не могут отличаться с этой точки зрения от *revolutionary ideas appear infrequently, John felt remorse, the dog looks frightening*, хотя и различие может быть одинаково ясно установлено и мотивировано с синтаксической точки зрения. Итак, грамматика имеет дело лишь с управлением, согласованием, флективными парадигмами и т. п. Это решение не кажется мне более оправданным, чем решение ограничивать изучение языковой структуры фонетическим анализом» (N. Chomsky, *The logical basis of linguistic theory*, «Proceedings of the IX International congress of linguists». The Hague, 1964, стр. 914).

Представим себе следующие случаи: 1) *Я вижу землю*₁ (из уст вахтенного матроса на корабле Хр. Колумба). Ситуация: два часа ночи с 11 на 12 апреля 1492 г., когда он впервые увидел один из Багамских островов. Смысл: открытие новой земли, нового материка — Америки; 2) *Я вижу землю*₂ (из уст Ю. А. Гагарина). Ситуация: 12 апреля 1961 г., когда он — впервые в истории человечества — увидел из иллюминатора космического корабля «Восток» весь земной шар. Смысл: начало эпохи научного исследования космоса; 3) *Я вижу землю*₃ (из уст колхозника). Ситуация: оттепель при наступлении весны, из-под снега уже обнаруживается там и сям земля. Смысл: скоро можно и должно будет начать весенние работы.

Подобные примеры можно было бы во много раз увеличить, но это совершенно излишне. Уже из приведенного материала явствует, какая существенная разница имеется между инaktuальным и актуальным языком.

Наконец, можно сказать в определенном смысле, что инaktuальный язык имманентен и тем самым тавтологичен; а актуальный язык «трансцендентен» в собственном, этимологическом значении слова, ибо он стремится от субъекта к объекту, ко все более многогранной, «сгущенной», диалектической взаимосвязи с другими явлениями, а в конечном счете — к охвату всех явлений, т. е. к смыслу.

Нашу модель можно представить примерно в таком виде:

Известен факт, что в восприятиях, представлениях человека действительность отражается прежде всего с пространственной стороны. Это отражение получает конкретное закрепление в инaktuальном языке. Здесь в основном все построено на основе пространственных отношений. Актуальный язык, т. е. актуализация смысла, однако, может связываться с объективной действительностью, с одной стороны, только социальное, при помощи трудового опыта и прочей совместной деятельности членов коллектива (конкретно, а затем и абстрактно, только мысленно), и, с другой стороны, — через посредство времени, что путем «сгущения» смысла ведет к образованию обобщенных научных понятий (законов), охватывающих время (прошедшее, настоящее

и будущее, вместе взятые). Осознание смысла в процессе труда создает интеллект человека ¹⁰.

II. Конкретизируем сказанное в предыдущем разделе этимологическими примерами слов «знак (значить, значение)» и «смысл», взятыми из пяти европейских языков, а именно древнегреческого, латинского, немецкого и русского, а также венгерского. В качестве основных источников мы используем по индоевропейским языкам словарь Ю. Покорного ¹¹, а по венгерскому языку — новый, издаваемый в настоящее время «Историко-этимологический словарь венгерского языка» ¹².

В нашу эпоху семиотических теорий широко известно др.-греч. слово *σῆμα* «Zeichen, Kennzeichen, Merkmal», т. е. «(при-) знак и т. п.» ← и.-е. *dhīā-mh, чередование корня: *dheis*:-*dhīā*:-*dhī*- «видеть, смотреть» (ср. особенно др.-инд. *dhyāman*-«Gedanke», *dhi-h* «Gedanke, Vorstellung, Einsicht, Verstand, religiöses Nachdenken, Andacht»). Семантически этот корень мог иметь духовный, интеллектуальный, даже сакральный характер (значение «видеть, смотреть духом»).

Известно также, что др.-греч. *λόγος*, переводимое в словаре Покорного «Rede», имеет еще немало других, хотя и вторичных значений, прежде всего «разум, смысл, высказывание»: ср. греч. *λογική* (*τέχνη*) «логика, наука об умозаключении» ← и.-е. *leǵ- «собирать, подбирать и др.». Др.-греч. глагол *λέγω*, кроме основного значения «*sammle, lese zusammen*» означает еще «перечисляю, говорю и т. п.»; ср. также лат. *legiō* «*ausgehobene Mannschaft*», русск. заимствование *легион*, лат. *legāns* «*wählerisch, geschmackvoll*», лат. *intellegere* ← *inter-legere* «*wahrnehmen*», ср. русск. заимствованный термин *интеллигенция*; лат. *religiō* «*Bedenken, religiöse Scheu*», ср. русск. заимствованный термин *религия*; ср. еще и герм. *lēkja «*Besprecher, Arzt*» и праслав. заимствование *lěkь «лекарство».

Лат. *signum* «Zeichen, Kennzeichen», т. е. «(при-) знак». Предположительное первоначальное значение этого слова — «*ingeschnittene Marke*». Если это так, то его можно возвести к и.-е. корню *sēk- «*schneiden*»: лат. *seco*, -*are* «срезать», *segmen*, *segmentum* «отрезок»; ст.-слав. *сѣкъ* «сечь», *сѣчи* «сечь», *сѣкура* «топор».

Лат. *sensus*, ср. глагол *sentio*, -*ire* «чувствовать, ощущать, воспринимать», сущ. *sententia* «мнение, взгляд, высказывание, смысл», ср. пословицу: *quot homines tot sententiae* «сколько голов, столько умов» и др. В словаре Покорного выделяются два основных значения: А) духовное значение: ср. уже приведенные латинские слова; сюда относится еще и др.-в.-нем. *sin*, -*nes* «смысл», *sinnan* «стремиться, сильно хотеть», литов. *sintėti* «мыслить», ст.-слав. *сѣмь* «умный»; Б) собственное значение; ср. авест. *hant*- «достигать», арм. *ant'ac* «Weg, Gang», *ant'anam* «идти, путешествовать, спешить».

Реконструированный индоевропейский корень и первоначальное значение: *sent- «направляться, идти (путь и т. п.)», а духовное значение: «чувствовать, воспринимать и т. п.».

Нем. (*das*) *Zeichen* «(при)знак»; ср. др.-в.-нем. *zeihhan* «Zeichen», глагол *zeihhonōn* «обозначать», англо-сакс. *taecan*, англ. *teach* «учить», др.-сев. *teikna* «показывать; означать; обозначать», гот. *taiknjan* «показывать» и др. — от и.-е. корня *doiǵ-, ср. гот. *taikns* «знак; чудо». Как известно, и.-е. корень на -*o* представляет собой перегласовку глагольного корня

¹⁰ Ср. др.-греч. *λόγος* «речь, разум, интеллект и смысл» и венг. *értelem* «разум, интеллект и смысл» (подробнее см. ниже).

¹¹ J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern — München, 1959—1969.

¹² «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», főszerk. Benkő Loránd, Budapest, I—II, 1967—1970.

на *-e *deik-* «(у-), (по-)казывать», ср. др.-греч. δείχνωμι «zeige», др.-в.-нем. *zeigōn* → совр. нем. *zeigen* «показывать»; отсюда лат. и герм. абстрактное значение «указывать словами»; ср. лат. *dico, -ere* «говорить/ сказать», отсюда и юридическое выражение: «указывать на виновника» значит «показывать на него» = «обвинять»; др.-в.-нем. *zeihen* то же; ср. еще лат. *judex* «der das Recht weisende» («судья»), лат. *digitus* «палец»¹³. Можно предполагать, указывает далее Покорный, что и.-е. корень **deik-* является расширением от корня **dei-* «сиять, светить → видеть», которое в дальнейшем стало употребляться как каузативное образование: «дать видеть → показывать».

Как известно, в немецком языке глагол и существительное «значить» и «значение» образуются не от основы *zeich-*, как, например, в русском языке от основы *знак-*, а от основы *be-deut-*.

Нем. *bedeuten* «значить, означать» и *Bedeutung* «значение» ← др.-в.-нем. *diuten* «толковать; объяснять; заявлять», глагол произведен от др.-в.-нем. сущ. *diot-(a)* «народ», отсюда и прилаг.: др.-в.-нем. *diutisc* → совр. нем. *deutsch* «немецкий», первоначально означало «принадлежащий к своему племени, народу»¹⁴; указанная германская именная основа восходит к и.-е. расширенному корню **teut-*, а этот последний — к **tēu-, tēu-, tēu-, tūō-, tū-* «прибывать» (о воде), отсюда *teutā* «уйма народа»; от того же корня и ст.-слав. *тукъ* «жир, сало», ср. совр. русск. *толстый, тысяча* и некот. др.

Нем. (*der*) *Sinn* «смысл», как мы уже указали, восходит, как и лат. *sensus*, к и.-е. корню **sent-*. Ср. еще гот. *sinþs* «отметина», др.-исл. *sinn* «Mal», *sinni* «путь»; ср. еще др.-в.-нем. *senten* → совр. нем. *senden* «отправлять, посылать».

Русск. *знак* восходит к др.-русск. *знакъ*, а это последнее к праслав. **znakъ*, которое образовано с помощью словообразовательного суффикса *-къ* от глагола **zna-ti* «знать» в значении «узнавать, отличать, замечать», подобно словам: *звук* от **zvон-i-ti*, *бракъ* от **bъra-ti*. В свою очередь праслав. глагольный корень **zna-* восходит к и.-е. **ǵnō-* «узнавать, знать», ср. др.-инд. *jñāmi* «ich weiss», др.-греч. γινώσκω, лат. *gnōsco* → *nōsco*, нем. *kennen, können*, литов. *žinoti* то же; ср. и сходные именны образования: и.-е. **ǵnō-mŋ: men* → др.-греч. γινώμια «признак»; праслав. **zname* → др.-русск. *знамя* «(при-)знак»; ср. лат. *co-gnōmen* «прозвище»; с другим суффиксом **gen-: ǵnō- + tlo-* то же, ср. литов. *ženklas* «знак».

Русск. *смысл* образовано с помощью префикса *с-* + *мысл*, ср. *по-мысл*, *за-мысл*, *до-мысл* и др.; оно восходит к др.-русск. *сѣ-мыслѣ*, родственно с праславянским по происхождению словом *мысль*, корень которого обычно возводится к и.-е. **mūdh-*, ср. чередование: **mēudh-: mūdih-: mūdh-* «иметь в виду; сильно хотеть»; ср. др.-греч. μῦθος «речь», μῦθεομαι «говорю, взвешиваю», гот. *maudjan* «напоминать»; литов. *maudžiu, maūsti* «sehnlich verlangen», *ārtaudas* «досада, забота».

В последнее время выдвигается другое толкование (В. П. Топоров): слав. *мысль* восходит к и.-е. корню **men-* «думать; быть пробужденным духовно»; ср. др.-инд. *mānas-* «Sinn», др.-греч. μνήσις «воспоминание», лат. *mēns* «Sinnesart, Gemüt, Denkvermögen, Vernunft», ср. еще русск. *мнение, память, мудрый* и некот. др. С семантической точки зрения оба толкования возможны.

¹³ Совр. русск. *сказать* образовано с помощью префикса *сѣ-* от праслав. **kazati* «показывать, говорить»; ср. русское судебное выражение *показания свидетелей* и т. п.

¹⁴ Ср. сходное развитие в венгерском языке. Глагол *magyarz* «толковать, объяснять» (в памятниках XIV—XV вв.) образован от племенного названия *magyar* «венгр, венгерский»; первоначальное значение, по всей вероятности, было «переводить на венгерский язык и тем самым быть понятым».

Венг. *jel* «(при)знак». В этом значении слово *jel* засвидетельствовано в памятниках начала XV в.; оно восходит к общефинноугорскому периоду, ср. фин. *jälki* «след, след ноги»; более древнюю форму и значение можно реконструировать предположительно в таком виде: *jälke «след; пятно».

Венг. *értelem* «разум; интеллект; смысл» представлено в памятниках XIV—XV вв. Существительное образовано от производного глагола *ért* «понимать» также начиная с XIV—XV вв. Глагол *ért* произведен при помощи суффикса *-t* с видовым («Aktionsart») значением моментальности и/или результативности от непроизводного глагола *ér* «достигать, т. е. доходить до какого-либо пространственного или временного предела»; глагол *ér* был заимствован, по всей вероятности, из какого-либо древнетюркского языка, ср. тюркск. *ir-*, уйгур. *är-*, осман. *er-* «достигать»; ср. далее татар. *ireš-* «прибывать»; монг. *ire-*; калм. *ire-* то же.

Предполагают, что исходное значение венгерского производного глагола *ért* было «коснуться чего-либо; дотронуться до чего-либо», как и у других глаголов, произведенных от того же корня [*érdekel* «интересовать», *érez* «ощущать; чувствовать», *érint* (см. выше *megérint*), отсюда, путем абстрагирования, значение «постичь умом»]¹⁵.

Однако нам представляется, что и венгерский глагол *ért* передает скорее достижение результата, чем прикосновение предмета, ибо момент достижения несравненно содержательнее и динамичнее момента прикосновения, как это наглядно иллюстрируется и сходным образованием русского глагола *постигать/постичь*¹⁶.

На основе сопоставления коррелятивных (инактуального и актуального) понятий «знак (значить, значение)» и «смысл» в указанных пяти языках рельефно и к тому же издревле выделяется стремление разграничивать их и по форме, и по содержанию¹⁷.

¹⁵ См.: «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», I, стр. 792.

¹⁶ Примеры из других языков подкрепляют наше предположение, ибо и в них речь идет не о простом прикосновении предмета, а о достижении результата, т. е. овладении предметом путем схватывания и сгущения смысла; ср. лат. *capere* «схватывать, брать» → *com-cipere* «понять»; франц. *prendre* «брать» → *com-prendre* из лат. *com-prehendere*; нем. *auf-fassen, be-greifen*; точно так же и русск. *понять* из др.-русск. */no-/n-/amti* «схватывать, брать». Ср. интересную работу: F. F a b r i c i u s - K o v á c s, A konkrét-absztrakt jelentéscélődés problematikája, «Nyelvtudományi értekezések», 61, Budapest, 1968.

¹⁷ Хотя по практическим соображениям или просто в результате буквального перевода нередки случаи смешения этих понятий; ср., например, лат. *sensu stricto* → «в узком смысле слова», и в венгерском: *a szó szoros értelmében*, хотя, на наш взгляд, здесь уместен был бы перевод «в узком значении слова», ибо речь идет об отдельном слове, а не о смысле цельного высказывания; обычно считают, что фонема выполняет с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н у ю функцию. С этим, однако, никак нельзя согласиться, ибо фонема или сочетание фонем актуализирует обычно лишь значение морфемы, а не смысл целого высказывания или высказываний. Дело в том, что до сих пор часто смешивают термины «значение» и «смысл», причем если термин «смысл» как более короткий сочетается со словом «различительный» («смыслоразличительный»), то сочетание термина «значение» со словом «различительный» считается слишком громоздким (ср., однако, венг. *jelentés-megkülönböztető*); ведь в слове *смысл* — один слог, а в слове *зна-че-ни-е* — четыре (но в венгерском языке *ér-te-lem* «смысл» и *je-len-tés* «значение» совпадают по количеству слогов); ср. еще нем. *Sinn* и *Be-deu-tung*, франц. *sens* — один слог, а *si-gni-fi-ca-tion* — пять. В современном английском языке слово *meaning* означает вообще и «значение», и «смысл» и выделить их помогает лишь контекст, но в последней функции выступает и заимствованный термин *sense* (ср., например, *common sense* «здравый смысл» и др.). Ср., однако, следующее высказывание В. Урбана: «Meaning is the first specific problem of a philosophy of language» (W. M. U r b a n, *Language and reality*, London — New York, 1951, стр. 42). Если автор имеет здесь в виду с м ы с л, то он прав, а если — з н а ч е н и е, то он не прав, если же — то и другое, то получается попросту путаница, неясность, двойственность всего высказывания.

С точки зрения словообразования, в четырех из пяти упомянутых языков слова «значить» и «значение» оказываются производными от слова со значением «знак».

Др.-греч. исходное сущ. ср. р. *σῆμα* — *σῆματος* → отыменный глагол *σημαίνω* (уже у Гомера) и сущ. жен. р. *σημασία*.

Лат. сущ. ср. р. *signum* → словосочетание *signum + facio* → *significo* → отглагольное сущ. ж. р. *significatio*; ср. и современные романские языки, например, французский: *signe — signifier — signification*.

Русск. (слав.) сущ. м. р. *знак* → отыменный глагол *значить* → отглагольное сущ. ср. р. *значение*.

Мы уже отметили, что в немецком языке соответствующие слова «значить» и «значение» образуются не от основы сущ. ср. р. *Zeich-en*, а от другой именной основы: *diut- → deut-* → отыменный глагол *be-deuten* → отглагольное сущ. ж. р. *Bedeutung*. Разумеется, по сравнению, например, с русскими *знак → значить → значение*, в немецком языке в словах *Zeichen → bezeichnen → Bezeichnung* и *bedeuten → Bedeutung* произошло полное разграничение внешней, «обозначающей» и внутренней, «означающей» функции; тот факт, что эти функции тесно связаны друг с другом, виден, с одной стороны, из изоморфизма их структур в немецком языке: *be-zeichnen* и *be-deuten*, *Bezeichn-ung* и *Bedeut-ung*, а, с другой стороны, из их синкретизма в остальных четырех языках, ср., например, др.-греч. *σημαίνω* «bezeichnen» → «bedeuten», т. е. «обозначать» и «означать».

В связи с этим интересно обратиться к материалу венгерского языка, Венг. *jel* → наречное образование с помощью *-en* «на»: означает в собственном смысле «на знаке», но употребляется со значением «там; в том месте; налицо; настоящее (актуальное) время» и т. п., а также с предположительным исходным значением «видимо». *Jelen + каузативный суффикс -t: jellent*, употребляется со значением «значить; означать» в памятниках, начиная с XV в. Отсюда отглагольное существительное *jelentés*. Как видно, венгерский глагол *jel-en-t* дает нам пример так называемой «мудрости языка», ибо он содержит в своем составе отдельную морфему *-en* с указанием на основную функцию глагола «значить», а именно на его актуальную функцию. Таким образом, указанный этимон отражает исконный смысл, легший в основу не только семантического содержания, но и грамматического выражения слова. Можно сказать, в определенном смысле, что каждый естественный язык или семья языков вносит свой вклад в дело выявления лежащего в основе языковых универсалий общечеловеческого смысла.

С формальной точки зрения важно еще отметить, что слово «знак» в трех индоевропейских языках, а именно в двух классических: (греч. *τὸ σῆμα*, лат. *hoc signum*), а также в немецком (*das Zeichen*) относится к среднему роду, в русском же языке — к мужскому роду; необходимо, однако, иметь в виду, что в русском языке имелось гораздо более древнее по форме и по содержанию слово с исходным значением «знак», причем среднего рода: др.-русск. *знамя* ← праслав. **znamę* ← и. -е. **gnō-men*; ср. также лат. *co-gnōmen* «прозвище» и литов. *žymė* «отметина» и др.

Как известно, средний род — «genus neutrum» — означал в индоевропейском неодошественность, нелицетворенность, т. е. неактивность. Здесь это равнозначно тому, что слово «знак» в индоевропейской области оформлено как средство; на этот его инструментальный характер указывает совершенно конкретно отсутствие особой агентивной падежной формы, т. е. субъектного падежа, и тем самым наличие лишь «пациентивной» падежной формы, т. е. объектного падежа; в связи с этим ср. еще слово со значением «средство» или «орудие» в указанных индоевропей-

ских языках: др.-греч. τὸ ὄργανον (ср. и τὸ σύμβολον, а также τὸ φάρμακον), лат. *hoc organum, medium, instrumentum, hoc experimentum, remedium, medicamen*; нем. *das Mittel, das Gerät, das Werkzeug*; русск. (это) средство, орудие, оружие, но и (это) лекарство и т. п.; причем эти слова часто употребляются во множественном числе, что еще больше стирает их индивидуальный характер.

В противоположность опосредованному, инструментальному, неактивному, пассивному, по нашей терминологии — и н а к т у а л ь н о м у характеру слов со значением «знак», слова со значением «смысл» имеют непосредственный, связный, целевой, активный, творческий или, по нашей терминологии, а к т у а л ь н ы й характер; это подкрепляется формально тем, что слова со значением «смысл» во всех четырех рассмотренных индоевропейских языках относятся к мужскому роду ὁ λόγος, *hic sensus, der Sinn, этот смысл*, т. е. в индоевропейском они выступают с четким и последовательным разграничением агентивной падежной формы (субъекта) от пациентивной падежной формы (объекта), причем во всех языках слова со значением «смысл» — *singularia tantum*.

III. В заключение необходимо отметить следующее. С точки зрения этимологического происхождения и семантического содержания во всех пяти исследованных языках в основе значения слова «знак» лежат следующие понятия: греч. σῆμα ← и.-е. *dhǵā «то, что видимо и распознаваемо», лат. *signum* ← и.-е. **sek-* «то, что зарублено и тем самым видимо и распознаваемо», нем. *Zeichen* ← и.-е. **doiǵ-* «то, что показывается и тем самым видимо, распознаваемо», русск. *знак* ← и.-е. **ǵnō-* «то, что узнаваемо, распознаваемо», венг. *jel* ← *jälke «то, что бросается в глаза, видимо, распознаваемо (конкретно: след ноги, пятно)». Обобщая эти значения, можно выделить следующее основное значение слов, передающих понятие «знак»: то отдельное, что уже вычленено в процессе общественной практики, то, что человек может воспринимать — прежде всего своим простым, посторонним зрением — как отличное, уже не сливающееся с фоном окружающей среды¹⁸, другими словами, уже осознанное, уже «актуализованное актуальное», т. е. *инактуальное*; то, что уже создано и обовначено, конкретно оформлено и занимает свое место в синхронной фонетической и лексико-грамматической системе *инактуального* языка; то, что используется как средство для актуализации все новых и новых знаний. Именно такое а к т у а л и з о в а н н о-актуализующее знаковое условие и составляет ведущий принцип *инактуального* языка.

В противоположность этому, с точки зрения этимологического происхождения и знакового содержания, в основе значения слова «смысл» лежат следующие понятия: греч. λόγος ← и.-е. **log-* «то, что мысленно собрано, разумно связано и высказано», лат. *sensus* ← и.-е. **sent-* «то, что отражено объектом и воспринято; то, на что реагировал разумный субъект (человек)», нем. *Sinn* ← и.-е. **sent-* то же, русск. *смысл* ← *с-ъ-мысль-* ← и.-е. **sm-mūd-* «то, что мысленно, разумно взаимосвязано», венг. *értelem* ← *ér-t-* «то, что постижимо разумом, интеллектом». Все эти значения можно обобщить следующим образом: «то целое (*singularia tantum*), что отражено объектом в мозгу субъекта и им самим собрано, упорядочено, разумно взаимосвязано, высказано с помощью средств *инактуального* языка (в частности, интонации, или, соответственно, пунктуации) и тем самым направлено на других членов коллектива с целью дать и получить актуальные, т. е. все более глубокие и широкие сведения относительно окружающего мира и самого себя, и с тем, чтобы обеспечить временную открытость и последовательность развития чело-

¹⁸ Ср. лат. *existo, -ere* «существовать» ← *ex-sistere* «торчком стоять».

веческого мышления, то, что дало возможность сложиться инактуальному языку, и что заставляет его непрерывно совершенствоваться как средство. Именно смысл составляет ведущий принцип актуального языка¹⁹.

Смысл представляет собой высшую, универсальную, все связывающую и, в сущности, все определяющую категорию языка как целого.

Все знаковое многообразие, вся знаковая вариантность языков мира градуирована в виде огромной шкалы, по обоим концам которой находится, с одной стороны, знак и с м ы с л, т. е. исходная универсальная языковая субстанция, выступающая как средство, а, с другой стороны, исходная универсальная языковая функция, выступающая как цель. Короче, мы имеем здесь дело с различием между инактуальным и актуальным языками, представляющими соответственно «фундамент» и «вершину» языка как целого.

Наконец, не подлежит сомнению, что для полной реализации языка как целого необходимы оба конституирующих его компонента, т. е. инактуальный язык как формальное средство для актуализации и актуальный язык, т. е. сам целенаправленный процесс актуализации связи субъекта с объектом. Не подлежит сомнению и то, что в процессе реализации языка как целого ведущими факторами являются или должны являться в нормальных условиях именно актуализующий-актуализуемый (субъектом) объект и актуализуемый (объектом)-актуализующий субъект²⁰. Ограничивать область языкознания исследованием одного инактуального языка, отмежевывать его от связи с конституирующими язык как целое «экстралингвистическими» факторами, в частности, от категории смысла, означало бы лишить языкознание связи с живой, творческой реальностью, с живой творческой деятельностью субъекта, это означало бы лишить языкознание связи со всеми другими науками, с генезисом и развитием которых оно неразрывно связано. Это означало бы лишить языкознание того почетного места, которого оно по праву заслуживает в системе наук о человеке.

¹⁹ Необходимо подчеркнуть, что мы вполне сознаем огромную роль и значение инактуального языка в истории человечества, но только и единственно как с р е д с т в о.

²⁰ В этом смысле оказывается несостоятельной гипотеза Гумбольдта, Вейсгербера, Сепира — Уорфа о том, что язык якобы навязывает говорящим свое «видение» мира, свою метафизику. Это верно лишь постольку, поскольку инактуальный язык, о котором идет речь, представляет один из обоих конститутивных компонентов языка как целого. Инактуальный, т. е. второстепенный компонент языка может доминировать над актуальным только в случае волевой и интеллектуальной инерции субъекта или какого-либо другого ненормального, патологического состояния. Кроме указанной выше статьи автора «Langue „actuelle“ et langue „inactuelle“», см.: А. Р. Л у р и я, Л. С. Ц е т к о в а, К вопросу о нарушении высказывания при локальных поражениях мозга, «Докл. и сообщ. советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов», Бухарест, 1967; L. I r i g a r a y, Négation et transformation négative dans le langage des schizophrènes, «Langage», 5, 1967; K. G o l d s t e i n, Bemerkungen zum Problem «Sprechen und Denken» auf Grund hirnpathologischer Erfahrungen, «Acta psychologica», X, Amsterdam, 1954.